

Бородинское сражение в русской поэзии. Первые отклики

Первые стихотворные отклики на Бородинское сражение появились в печати еще до завершения военной кампании 1812–1813 г. Написанные современниками, нередко очевидцами или участниками военных событий, эти стихи до сих пор представляют интерес не только для специалистов узкого круга, но и для всех, кому дорога историческая память России.

Главное событие Отечественной войны 1812 года нашло отражение не только в стихах великих русских поэтов Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, участника сражения поэта и декабриста Ф.Н. Глинки, но и в произведениях менее известных, ныне забытых авторов. Многие из них вошли в изданное уже в 1814 г. «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», составленное при участии В.А. Жуковского и пользовавшееся огромным успехом. И этот знаменитый сборник, и многие другие публикации, на долгое время выпавшие из поля зрения читателей и исследователей, нередко содержат темы, мотивы и сюжеты, дополняющие хрестоматийные тексты.

Уже в 1813 г. были изданы две эпические поэмы о великой битве: «эпическая песнь» Д.П. Глебова «Сражение при Бородине» и поэма Н. Телепнева «Наполеон в России». В 1812–1824 гг. были опубликованы (в основном, в журналах) стихотворения В.Г. Анастасевича, П.П. Лобысевича, Н.Д. Иванчина-Писарева, И.Е. Великопольского, А. Висковатова, В. Маркова. Они являются своеобразным документом эпохи, свидетельствуют о зарождении особого отношения к Бородинскому полю, содержат темы, мотивы и оценки, предвосхищающие более поздние и более известные произведения.

В 20-е годы XIX в. были опубликованы первые опыты воссоздания битвы глазами рядового участника, предвосхищающие не только «Бородино» М.Ю. Лермонтова, но и великие идеи «Войны и мира». Как справедливо замечают историки русской литературы, основное художественное открытие Лермонтова в «Бородино» – «замена авторского повествования сказом бывалого солдата». «В этом освещении исторические события приобретали зримую достоверность, а их оценка получала значение оценки народной. <...> Народ как движущая сила истории и патриотизм как сила, объединяющая нацию в несокрушимый монолит, – такова поэтическая идея “Бородина”, послужившая, по собственному признанию Л.Н. Толстого, зерном для “Войны и мира”»¹.

В этой связи особенно важны написанные Ф.Н. Глинкой в 1813–1818 гг. «военно-исторические песни или романсы», которые он «старался приспособить к любимым песням народным». Они вошли в книгу «Подарок русскому солдату» (1818), а лучшая из них, «Песнь сторожевого воина пред Бородинскою битвою», была опубликована также в «Журнале древней и новой словесности». Участник сражения Глинка создает не просто образ человека из народа, но человека-воина, органично ощущающего себя частью великого целого:

Славян сыны! Войны сыны!
Не выдадим Москвы!
Спасем мы честь родной страны,
Иль сложим здесь главы!..

Уж гул в полях, уж шум слышней!
День близок роковой...
Заря светлей, огни бледней...
Нас кличет враг на бой!

Идет на нас, к нему пойдем
В широкие поля;

Прими ты нас, когда падем,
Родимая Земля!

Тебе, наш край, тебе, наш Царь,
Готовы жизнь принести:
Спасем твой трон, спасем алтарь,
Отечество и честь!

Итак, уже у Глинки возникает это «мы», позднее прозвучавшее и у Лермонтова («И умереть мы обещали»). Обращает на себя внимание отсутствие чувств ненависти, мести, тихий стоицизм, твердая уверенность в необходимости выполнить воинский долг. Бородино фигурирует как поле чести – это важный и постоянный мотив многих других стихотворений, посвященных Бородину. Глинка во многом опередил свое время в описании народной войны. В его поздних произведениях, как поэтических, так и прозаических, возникает еще более выразительный образ растревоженной войной народной стихии: «О, как душа заговорила! Народность наша поднялась: / И страшная России сила / Проснулась, взвихрилась, взвилась!».

В стихотворных публикациях тех лет возникает и образ старца, рядового участника сражения, который много лет спустя после битвы привел на поле своих детей или внуков, также предвосхищающий М.Ю. Лермонтова, А.Н. Марина. Одна из них, «Надпись на поле Бородинском» поэта-эссеиста, цензора Московского почтамта Н.Д. Иванчина-Писарева, была опубликована в 1813 г. в журнале «Вестник Европы»:

Стой, Росс! ты подошел к полям Бородина!
Здесь грозные лежат полки надменна Галла<...>
Здесь робко на поля иноплеменник взглянет,
И мимо сих холмов со страхом поспешит;
Но Росс здесь мощь свою и славу вспомянет,
И скажет с гордостью: «Кто русских покорит?»
Сюда придет старик и внучат за собою
С благоговением, как к храму, приведет.

«О дети! слушайте!» И повестью простою
В их юные сердца жар доблестный прольет...

Итак, Бородинское поле уже в 1813 г. воспринимается не как место победы или поражения, а как место памяти, место чести. Как храм.

В стихотворении профессионального военного и военного историка А.В. Висковатова «Бородино», опубликованном в журнале «Благонамеренный» в 1822 г., также возникает образ «старца», но предающегося воспоминаниям в одиночестве:

В глубоко думу погружен,
Простря свой взор в туман далекий,
Сидел от дряхлости согбен,
Под деревом старец одинокий;<...>
Вкруг старца тихо, все молчит...
Пред ним – могильные курганы;
У ног – разбитый шлем лежит,
И в ржавчине оружия бранны<...>
Ты вестник славы нашей был,
День Россам вечно-незабвенный!
И путь к спасенью проложил
Для нас от власти чужеземной<...>
Поля, холмы Бородина!
Для чад пребудьте отдаленных
В веков грядущих времена,
Как обелиск побед свершенных.

В этих стихах снова звучит тема славы, тема воинской чести и, главное, тема памяти, уже перерастающая в тему памятника, мемориала, причем именно само поле воспринимается как памятник: «поля, холмы Бородина ... Как обелиск».

В другом стихотворении того же юбилейного года «Чувства при виде Бородинского поля» И.Е. Великопольского, также опубликованном в «Благонамеренном», упоминаются уже именно памятники: «Приветствую тебя, о место славных дел! Бородино! и вас, окружные дубравы!».

Здесь все Отечества о славе говорит

И гордый дух его геройством наполняет!
Здесь все имеет жизнь, язык имеет свой,
Повсюду виден след протекшей бранной силы:
Тут мхом поросший ров, там черные могилы,
А там над нивой золотой,
Как вечный страж равнины боя,
Белеет памятник, став гордою стопой
Над прахом павшего героя.

К слову «памятник» автор сделал следующее примечание: «На месте сражения видны два памятника, поставленные в честь убитых генералов, которых имен проводник мне сказать не мог. На ближнем, небольшом и недоконченном, нет никакой надписи, к дальнему же я не имел времени подойти».

Итак, на поле уже в 1822 г. стоят памятники, а не братские могилы, а его посетителям предлагают свои услуги проводники. Какие памятники мог видеть автор стихов? Как отмечает А.В. Горбунов, «после захоронения и сожжения зимой 1812–1813 гг. останков воинов обеих армий на Бородинском поле появилось не менее пятисот братских могил. <...> Самый ранний памятный знак зарисован и описан в 1814 г. английским художником Джеймсом в районе северной флеша. Это “доска, отмечающая место, где погиб храбрый генерал Монбрен с памятным текстом в его честь, написанным чернилами, которая установлена сразу после сражения герцогом Данцигским”»². Великопольский мог видеть и две церкви, в том числе храм Спаса Нерукотворного, построенный в 1820 г. М.М. Тучковой на месте гибели мужа³.

Стихи – свидетельство ранней, видимо, еще достаточно стихийной «мемориализации», в терминологии современных специалистов⁴, поля. Таким образом, все, что почти 200 лет происходило и происходит на Бородинском поле – это проявления глубочайшей, тончайшей

общественной потребности, национальной идеи, предельно четко сформулированной уже в первое десятилетие по завершении военных действий.

Среди ранних стихотворных откликов на Бородинское сражение заслуживает особого внимания отражение в них эпизода, согласно которому либо при первом знакомстве с армией в Царевом-Займище, либо при осмотре позиций накануне Бородинского сражения над головой М.И. Кутузова парил орел. «С быстротою молнии во все концы обширной России разнеслась весть, будто бы в самое то время огромный орел вознесся над головою Кутузова, сопровождая его при объезде лагеря. Это событие, действительное или вымышленное, осталось в народных преданиях»⁵.

Историк войны 1812 г. А.И. Михайловский-Данилевский вспоминал об этом случае как о достоверном событии, связывая его с Царевым-Займищем. Другой мемуарист, А.Б. Голицин упоминал этот эпизод в связи с первым объездом Кутузовым Бородинского поля. «Известно всем, сколько явление Кутузова в армию ободрило всех. Он прибыл в Царево-Займище и в этот же день уже распоряжался всем, так как будто бы от него все проистекало с начала кампании. Ничто для него не было ново.<...> Когда в первый раз обзрел Кутузов позицию под Бородиным – это было после обеда, исполинский орел парил над ним. Куда он, туда и орел. Анштет первый заметил это. И толкам не было конца. Орел этот предвещал все хорошее»⁶. Имелись и скептики, которые либо отрицали сам факт, либо считали, что это был некое организованное действо.

Современный историк А.А. Елисеев собрал и проанализировал 17

упоминаний об этом эпизоде, однако тема далеко не исчерпана. Выводы Елисеева состояли в следующем. «Появление орла над Кутузовым – реальный факт, а не красивая легенда.<...> Это случилось на Бородинском поле.<...> Время действия 23 августа, приблизительно около 15 часов дня»⁷.

Эпизод нашел свое отражение не только в мемуарной литературе. 4 сентября 1812 г. в газете «Северная почта» был напечатан отрывок «партикулярного» письма из Главной квартиры от 26 августа: «Третьего дня сражение героев; вчера малозначущие сшибки; сегодня опять сражение героев... земля дрожит за 18 верст. Подробности узнаете вы из реляций, посылаемых из армии; но я расскажу вам только, что в самый первый день, когда главнокомандующий наш ездил для осмотра местоположения, орел появился парящим над его головою: князь Михайло Ларионович снял шляпу, и все воскликнули тогда “ура!” Где Россы, подобно Римлянам, идут на бой, там нельзя не парить орлам над ними». Газета издавалась дважды в неделю при Почтовом департаменте под руководством министра внутренних дел О.П. Козодавлева. В газете печатались не только новости, но и «известия об открытиях ученых, о научных путешествиях,<...> об открытии училищ и библиотеках, о театре, о новых литературных произведениях»⁸.

Публикация в «Северной почте», видимо, осталась неизвестной Елисееву, однако историк приводит сведения, помогающие раскрыть ее авторство. Он сообщает о письме от 26 августа директора дипломатической канцелярии при М.И. Кутузове И.О. Анштета (Анстета) к сардинскому посланнику в России графу Ж. Де Местру. Текст письма (в переводе с французского) содержит следующие строки: «Когда князь Кутузов проводил рекогносцировку, над его головою воспарил орел; он

отсалутовал ему, а осененное войско /ответило ему/ криком: “Ура!”». Историк справедливо заключает, что «после того, как письмо оказалось в Петербурге, вероятно, оно стало известно в обществе, и можно даже предположить, что именно с него началась “история орла”». ⁹

Из стихотворных откликов Елисеев упоминает только известные строки В.А. Жуковского из «Певца во стане русских воинов»:

О диво! се орел пронзил
 Пред ним небес равнины...
Могущий вождь главу склонил;
· · · · ·
 Ура! кричат дружины.
Лети ко прадедам, орел,
 Пророком славной мести!
Мы тверды: вождь наш перешел
 Путь гибели и чести...

Стихотворение, пользовавшееся необыкновенной популярностью, в течение нескольких месяцев 1813 г. было издано дважды: книга проходила цензуру в январе и в мае 1813 г. Второе издание было дополнено прозаическими примечаниями Д.В. Дашкова. В одном из них отмечалось: «У древних парящий орел почитаем был предвестником победы: знамение сие не обмануло и нас на достопамятном Бородинском поле. Когда российский вождь устраивал полки свои, орел пролетел над ним при радостных кликах воинов и был верным предтечею гибели врагов наших».

Полулегендарный, потрясший современников эпизод, имевший в их глазах глубокое символическое значение, не только произвел огромное впечатление на офицеров русской армии, но и послужил источником вдохновения для многих русских поэтов. Первым из них был Г.Р. Державин, уже 31 августа 1812 г. написавший «Оду по случаю парения орла над российской армиею, под предводительством князя Кутузова при

селе Бородине, 1812 года в августе» (СПб., 1812). Державин, хорошо знавший министра внутренних дел Козодавлева, мог получить информацию об эпизоде из первых рук, не дожидаясь выхода газеты (письмо датируется 26 августа, а газетная заметка опубликована 4 сентября. – *И.Ф.*). Стихотворение, в котором Державин восклицает:

Се знак: – мы победим врагов.
Мужайся, бодрствуй, князь Кутузов!
Коль над тобой был зрим орел, –
Ты верно победишь французов,

– было известно М.И. Кутузову. В письме Державину от 7 декабря из Вильно полководец сообщил, что не имел еще возможности с ним ознакомиться, но принес автору «чувствительную благодарность», а незадолго до смерти, 30 марта 1813 г., писал: «Хотя не могу я принять всего помещенного в прекрасном творении вашем “На парение орла” прямо на мой счет, но произведение ваше... имеет особенную цену уважения и служит новым доказательством вашей ко мне любви»¹⁰.

В стихах менее известных поэтов М.И. Кутузова тоже сопровождает орел, придавая неожиданные и яркие краски образу великого полководца. В ноябре 1812 г. в журнале «Сын Отечества» была опубликована «Ода на парение орла над российскими войсками при селе Бородине, в августе 1812» за подписью «К. -З. – кий. Тверь нояб. 8 1812», также посвященная этому эпизоду¹¹.

Орел, вися над главою
Полков российских, выпрь парит.
Се знак! Вождь главный под Москвою
Победу дивную свершит.

Эти сведения приведены в комментариях к академическому изданию сочинений Я.К. Грота и работе А.А. Елисеева. Ряд прозаических источников указан также в работе А.А. Горелова «Отечественная война

1812 года и русское народное творчество»¹². Однако материалы «Сводного каталога русской книги 1801–1825 гг.» позволяют расширить круг источников, прежде всего, стихотворных.

Обратимся к первым попыткам создания эпического батального полотна о Бородинской битве. «Сражение при Бородине. Эпическая песнь. Посвящена храброму российскому воинству» Д.П. Глебова^{*1}

и поэма «Наполеон в России» Н. Телепнева, открывающаяся посвящением Ф.В. Ростопчину, были опубликованы отдельными изданиями в 1813 г. Поэмы стали первыми, пусть и не вполне состоявшимися попытками создания эпического батального полотна о великом сражении. Их авторами владели влияние и традиция «стихов на случай», поэтика Державина, но в упрощенном, лишенном державинского порыва виде.

Стихи Державина, посвященные событиям эпохи наполеоновских войн, связаны с его стилистическими экспериментами, прежде всего с попытками создания «напряженного, трудного стиха»¹³. Как правило, в этой связи исследователи цитируют пространный «Гимн лироэпический на прогнание французов из Отечества» (СПб., 1813), но в интересующем нас небольшом тексте, как в капле воды, отразились те же приемы и мотивы, в том числе использование библейских, апокалиптических образов. Начинается стихотворение Державина «На парение орла...» восклицанием:

Воанергес! Орел, сын грома!
Не ты ль на высотах паришь
И сновь святых патмосска холма
Виденья бытием решишь?

* Дмитрий Петрович Глебов (1789–1843) происходил из старинного дворянского рода (его мать – урожденная Кошелева), получил образование в Московском университетском благородном пансионе, служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, был участником военных действий.

Такое метафорическое начало даже современникам было трудно понимать без комментария. «Воанергес» (сын грома) – евангельское обозначение Иоанна Богослова. Находим в стихотворении и обозначение Наполеона как Люцифера и его сопоставление с «лютым зверем», восходящее к Апокалипсису. Но Державин потому и Державин, что он мог писать легко и тяжело, просто и трудно. В том же «Гимне лироэпическом» звучит мощная неповторимая державинская интонация:

И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном.

Стилистические искания Державина, имевшего многочисленных последователей, подражателей, эпигонов, причудливо преломляются в творчестве писателей второго ряда. В поэмах Глебова и Телепнева яркие и выразительные картины Бородинского боя соседствуют с карикатурными образами врагов:

Но армия идет Французских нечестивцев,
Грабителей, врагов и мерзостных убийцев!¹⁴

В тех злоба, ненависть, безбожие и страх.
В сих вера с верностью и мужеством в сердцах...
Там ропот, крик и шум, мечей, оружия звук,
На лицах вид тревог, корыстолюбья мук...
Тут русских воинство в спокойстве пребывало,
Хоть с нетерпением час битвы ожидало¹⁵.

Вот как изображен Наполеон накануне битвы:

Потом – как хитрый змий пред воинством извился
И жало испустив... торжественно вещал<...>
У вас, у вас в руках от сих сокровищ ключ.
Добычей овладев, Орлом Самодержавным,
Окончим подвиг свой мы миром достославным¹⁶.

Кутузов тоже произносит пространные речи не в лучших традициях

русской одической поэзии:

О Россы! вы, чей дух бессмертный, знаменитый
Является в веках нам древности маститой.
Чей дух Владимира и Ольгу ополчил,
И к вере истинной Россию обратил<...>
Ужель не зрится вам Герой ваш Италийский,
Который как Орел чрез высоты Альпийски
С Россией пролетел, быстрее, чем Аннибал¹⁷ ...

Пора! ответствует, пора! Друзья! я сам
Иду на извергов, живот не пощажу –
Сколь храбрость вашу чтить умею, докажу.
Нельзя, чтоб Руской мог кого либо бояться¹⁸ ...

Особенно причудливое смешение жанров, одической и эпической традиций находим у Телепнева: «Настрой мое перо, величественна Муза! / Хочу петь хищника всеобщаго союза».

Желая путь занять к Москве Барклай де Толли,
Со войском поспешил к селу Бородину –
И там соединясь с другими, всю страну
Обставил войсками, готовыми сражаться¹⁹.

Законы жанра эпической поэмы и одическая традиция скорее мешают авторам. И Телепнев, и Глебов попадают в своеобразную жанровую ловушку: нельзя эпически писать о проигранной битве. В результате их оценка итогов Бородинского сражения как безусловной победы вышла излишне прямолинейной:

Сраженье кончилось – и Россы победили
(Телепнев).
И храбрый Росс всем полем овладел (Глебов).

И даже:

Сражение сие нам памятно во веки
Пребудет – воинов Российских мощна сила,
Что в много раз врага сильнее низложила;
Но в поле возрастав, с лавровою главой,
Кутузов подвиг зрит Россиян таковой –

С слезою радости на воинов взирает²⁰.

Разумеется, обе поэмы написаны в 1813 г., когда исход войны уже был очевиден, но «слезы радости» все же были неуместны. Отметим, что русские поэты-лирики, как правило, проявляли удивительный такт, уходя от прямых оценок Бородинского боя, и подчеркивали прежде всего его масштаб, его нравственный итог. Позже эту мысль с кристальной четкостью сформулируют и М.Ю. Лермонтов («Вам не видать таких сражений»), и Ф.Н. Глинка («В минувшем нет таких походов»), и П.А. Вяземский («Никогда еще в подлунной не кипел столь страшный бой»).

Отдельная тема – попытки описать поистине великое сражение с использованием приемов «поэтики ужасного», только осваивавшейся тогда русской литературой. Русские поэты-лирики, как правило, избегали натуралистических подробностей кровавой битвы. Однако излишний натурализм в описании Бородинского сражения снижает впечатление от обеих поэм: «Меж тем уж день прошел – ночь темна наступала, / А сила ни одна ни та не отступала... и кровоогненна река там протекала... Там быстрая река от моря крови стонет, / Объятый пламенем там лес дремучий воеет...»²¹.

В 1820 г. был опубликован иронический отзыв на поэму Телепнева, подписанный «Ф.Ф.Ф». В нем слышны отголоски стилистической дискуссии о легком и тяжелом стихе. «Очень может быть, что зависть вздумает... доказывать, что сочинитель как истинный Славянин, умышленно и с обдуманым намерением бил Наполеона самыми тяжелыми, негладкими, мучительными стихами... Смело можем сказать, что мы отместили Наполеону: побили его, согнали с престола и сочинили на него поему, которая заставила бы Наполеона почувствовать все свое унижение, если б только он умел прочесть ее по-русски»²². Получается,

что в 1820 г. и поэма не была забыта, и стилистическая дискуссия не завершена.

Но вернемся к орлу. Ближе всех к газетной публикации оказался Телепнев:

На коне зрится муж, украшен сединами;
В сияньи звезд своих явился пред полками.
Со громом Небеса над ними растворились,
Средь солнцев множества, чем горнии светились,
Парит в величестве Юпитеров Орел;
Вкруг воина главы он трижды облетел! –
Почтенный старец вдруг Орла сего узнал,
Споборника себе в котором обретал;
Поспешно шляпу он с седой главы снимает.
Орел воззрел в лице – и кверху отлетает;
Взвился среди небес, сомкнулись небеса –
Все войско с ужасом глядит на чудеса. –
Ктоб был это таков? иные вопрошают.
Питомец Марса то! другие отвечают. –
Древнейший воин наш се Гений битв Кутузов,
Как ветер гонит пыль, он гнал всегда Французов²³.

При всей лубочности картинки это, возможно, лучшие строки поэмы Телепнева. У Глебова эпизод упомянут бегло, но выразительно:

Вещал – и с высоты лазоревой, небесной,
Из облаков златых, на радуге прелестной,
При плесках воинства, тут огненный Орел,
Неся лаврову ветвь, над их вождем нисшел.
В сем знамени зря Всевышняго защиту,
В сединах лаврами главу свою покрыту
Со умиленьем он, слезами обнажил,
Колена преклоня, признательность излил.
«Умрем иль победим!» – восстав он восклицает,
«Умрем иль победим!» – глас воинства вещает²⁴.

Еще одно беглое упоминание об орле находим в стихотворении Н.Д. Иванчина-Писарева «Надпись на поле Бородинском»²⁵.

Здесь бился Божий меч, князь русский Михаил.
Я помню, как он шел украшен сединами,

Как он пред битвою с полками говорил.
Он страшен был, когда сражался со врагами.
Тогда на месте сем парил над ним орел...

Уже в следующем номере «Вестника Европы» был помещен восторженный стихотворный отклик И.И. Шаликова на стихи Иванчина-Писарева «К сочинителю стихов под названием Надпись на поле Бородинском». Автора «Надписи» Шаликов называет «певцом Бородина – Фарсалии второй», а в подстрочном примечании отмечает: «Сии стихи были бы прекрасным местом героической поэмы. Молю Феба, чтобы он цветущему талантом поэту внушил желание написать ее»²⁶. Существенно не только то, что создание эпического батального полотна о событиях Отечественной войны 1812 г. осознавалось как стилистическая проблема, но и то, что с точки зрения рецензента более успешным в ее решении мог оказаться лирический поэт.

Кто победил в стилистических исканиях начала XIX в.? Применительно к Бородину, видимо, «лирики». Читающая публика сходится с современными исследователями в том, что общественный настрой 1812 г. получил самое совершенное выражение в стихотворении В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Поэту-«новатору», участнику Московского ополчения, в день битвы находившемуся в резерве, удалось создать произведение, «органично сочетавшее мотивы войны и мира, элегическую скорбь по погибшим и торжественный гимн героям»²⁷. В целом же, по выражению Б.Л. Пастернака, «победило разнообразие».

Тень орла сопутствует образу Кутузова и в более поздних стихотворениях, обретая метафорические или символические оттенки: «На Бородинские вершины / Седой орел с детьми засел... » (Ф.Н. Глинка). В стихотворении В.А. Жуковского «Вождю победителей» орел не

упомянут, но угадывается: «О старец-вождь! Я мнил, что над тобою / Тогда сам Рок невидимый летел». А вот строки Вяземского из стихотворения «Поминки по бородинской битве»:

И Кутузов предо мною,
Вспомню ль о Бородине,
Он и в белой был фуражке,
И на белом был коне.

Чрез плечо повязан шарфом,
Он стоит на высоте,
И под старцем блещет ярко
День в осенней красоте...

Мыслью он парит над битвой
И его орлиный взгляд
Движет волею и силой
Человеческих громад...

Никогда еще в подлунной
Не кипел столь страшный бой:
Из орудий ад чугунный,
Разразившись, поднял вой.

В заключение два слова об иконографии. Что помнит Вяземский: реальную картину или известную гравюру Карделли по оригиналу А.О. Орловского? Вопрос не праздный, поскольку «свидетельств, что светлейший принимал армию в парадной форме, найти не удалось»²⁸. Однако на известной гравюре И. Терebeneва – тот же парадный мундир и тот же орел. «Невероятно, но некоторые современники писали, что орел сопровождал Кутузову и тогда, когда тело фельдмаршала везли по Санкт-Петербургу к месту последнего упокоения», – отмечает Елисеев, имея в виду мемуары Н.Н. Муравьева²⁹. Ничего невероятного в этом нет. В народной памяти образ орла навеки связан с великим полководцем.

Возьмем книгу Ф.М. Синельникова «Жизнь, военные и

политические деяния его светлости... М.Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского» (СПб., 1813), самую содержательную из четырех биографий полководца, изданных сразу после его смерти. Автор книги в 1806–1807 гг. служил под началом М.И. Кутузова, тогда военного губернатора Киева, в дальнейшем поддерживал с ним отношения вплоть до смерти полководца. В книге использованы документы семейного архива, полученные Ф.М. Синельниковым у родственников М.И. Кутузова. В книге находим не только главу «Парение орла над князем Кутузовым», но и главу «Церемониальное ввезение тела князя Кутузова в Нарву. – Парение орла над гробом». Первый эпизод привязывается к Цареву-Займищу «Как скоро Кутузов выехал верхом осматривать войска... то над головою его явился парящий по воздуху Орел, как бы предвозвещающая будущие великие дела... Чудесный вождь российских сил при сем случае снял шляпу...» и вознес молитву, войско ответило ему «громогласным ура!»³⁰. А вот описание похорон. «Мая 17 числа в 5 часу по полудни тело покойного генерал-фельдмаршала ввезено было в Нарву, замечания достойно следующее: когда тленные остатки сии коснулись токмо границы С. Петербургской губернии, то вдруг появился над гробом большой черный Орел, паривший несколько минут на одном месте, как будто бы и сей Царь пернатых желал тем воздать последнюю честь Герою, коего принятие главного Начальства над всеми Российским войсками ознаменовано было таковым же явлением»³¹. Книга Синельникова хорошо проиллюстрирована. Среди иллюстраций обращают на себя внимание две гравюры И. Иванова «Князь Кутузов осматривает армию, перед Бородинским сражением, и парение явившегося над ним орла» и «Вид ввезения в Санктпетербург на раменах признательного народа тела генер.

фельдмарш. князя Голенищева Кутузова Смоленского. Июня 11го 1813 года. Снят у Петергофской заставы». Разумеется, над похоронной процессией изображен парящий орел.

Как отметил великий дипломат и талантливый искусствовед А.В. Чичерин, «все подлинно великое накаплиется и создается усилиями многих поколений, усилиями многих мыслящих и чувствующих людей. Известные нам художественные произведения разных эпох – только вспышки вырывающегося наружу, но затаенно вечно живого огня»³². Эти вспышки живого огня несомненны в цитированных текстах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Голованова Т.П. М.Ю. Лермонтов // История русской литературы: В 4 т. Т. 2: От сентиментализма к романтизму и реализму. Л., 1981. С. 441.

² Горбунов А.В. Музеефикация Бородинского поля и развитие Бородинского музея-заповедника // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XII Всерос. науч. конф., Бородино. М., 2005. С. 35.

³ Мельникова Л.В. Церковные памятники Отечественной войны 1812 года (Московская епархия) // Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всерос. науч. конф., Можайск, 2004. С. 215.

⁴ Горбунов А.В. Музеефикация Бородинского поля: Программы и их реализация // Бородинское поле: музей и памятник: К 165-летию основания Бородин. музея-заповедника. М., 2005. С. 7

⁵ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859–1860. Т. 2. С. 125;

⁶ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т.3. СПб., 1870. С. 98.

⁷ Елисеев А.А. Орел над Кутузовым: Эпизод из истории Отечественной войны // Эпоха наполеоновских войн: Люди. События. Идеи: Материалы 9-й междунар. науч. конф. М., 2006. С. 21.

⁸ Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2. С. 102.

⁹ Елисеев А.А. Указ. соч. С. 13.

¹⁰ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1870. Т. 3. С. 98–99.

¹¹ Сын Отечества. 1812. №6. С. 250–251.

¹² Отечественная война 1812 года и русская литература XIX в. М., 1998. С. 55–57.

¹³ Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. М., 2007. С. 75.

¹⁴ Телпнев Н. Наполеон в России, эпическая поэма. М., 1813. С. 12.

- ¹⁵ *Глебов Д.П.* Сражение при Бородине: Эпическая песнь. М., 1813. С. 6.
- ¹⁶ Там же. С. 6–7.
- ¹⁷ Там же. С. 8–9.
- ¹⁸ *Телепнев Н.* Указ. соч. С. 33.
- ¹⁹ Там же. С. 31–32.
- ²⁰ Там же. С. 41.
- ²¹ Там же. С. 36, 40.
- ²² Вестн. Европы. 1820. Ч. 111. №11. С. 220–223.
- ²³ *Телепнев Н.* Указ. соч. С. 32.
- ²⁴ *Глебов Д.П.* Указ. соч. С. 9–10.
- ²⁵ Вестн. Европы. 1813. Ч. 68. №5/6. С. 23–25. Перепечатана в книге «Собрание стихотворений, относящихся к незабываемому 1812 г.»
- ²⁶ Вестник Европы. Ч. 68. №7/8. С. 308–309.
- ²⁷ *Иезуитова Р.В.* В.А. Жуковский // Русские писатели 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 281.
- ²⁸ *Елисеев А.А.* Указ. соч. С. 12. См. также: *Горелов А.А.* Отечественная война 1812 года и русское народное творчество // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX в. М., 1998. С. 5. (В прим. к статье достаточно подробно излагается эпизод, но примеры реальных отражений этого эпизода в фольклоре отсутствуют).
- ²⁹ *Елисеев А.А.* Указ. соч. С. 18.
- ³⁰ *Синельников Ф.М.* Жизнь, военные и политические деяния его светлости... М.Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. Ч. 3. С. 32.
- ³¹ Там же. Ч. 5. С. 162.
- ³² *Чичерин А.В.* Ритм образа. М., 1973. С. 138.